

Конструирование девиантности¹

Девиантность создается обществом.

Говард Беккер

Классификация и оценка – основа интеллектуальной деятельности человека. Мы сами создаем мир вокруг себя.

Нильс Кристи

Осознание того, что привычные общественные явления ни что иное, как *конструкции*, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках лишь во второй половине XX столетия [1].

Есть два подхода в социальных науках: (1) *объективистский* (социальные феномены и соответствующие социальные проблемы – преступность, наркотизм, проституция и др. - существуют объективно) и (2) *интеракционистский* (социальные проблемы конструируются обществом – властью, общественным мнением, СМИ). «Внутри» интеракционистского (=конструктивистского) подхода существуют два направления. Согласно одному (*строгому, феноменологическому*), в обществе нечто («*предполагаемое*» [2]) имеется, но *это* становится *проблемой* в результате конструирования *этого* как *проблемы*. Согласно другому, мягкому (*контекстуальный конструкционизм*), конструируется проблема с учетом *социальных условий*.

Я полагаю, что конструируются как сами социальные феномены, так и результат их осознания как проблемы («*проблематизация*» феномена).

Взгляд на *девиантность* и ее различные проявления как определенные *конструкты*, «изготовленные» в процессе *реагирования* общества на нежелательные виды поведения, преобладает в современной социологии

---

¹ Феноменология и профилактика девиантного поведения. Краснодар: Университет МВД РФ, 2008. С.

девиантности и является весьма продуктивным. Процесс конструирования девиаций (посредством политических решений, общественного мнения, статистики, СМИ и др.) подробно описан во многих трудах [3].

Применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* – преступления возникают из сенатских и народных решений). Любопытное наблюдение мы встречаем у Т. Кампанеллы. В «Городе Солнца» (1623) нет частной собственности, все равны, все имеют возможность самореализации. «Поэтому, так как нельзя среди них (жителей Города Солнца – Я.Г.) встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, - они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы» [4: 40]. Итак, определенные социально-экономические условия позволяют избавиться от деяний, ныне признаваемых преступными, но тогда общество **конструирует** новый набор проступков, подлежащих наказанию. Преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт и по мнению Бенедикта Спинозы (1632-1677). «В естественном состоянии нельзя представить себе преступления; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству» [5: 554].

Однако в современной девиантологии и криминологии признание преступности и иных проявлений девиантности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется многими западными учеными [6]. Это четко формулируют Хесс и Шеерер [7]: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые

устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность – социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности» [8].

«Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. *Преступность* не существует в природе, это выдумка (*invented*) людей», - пишет М. Робинсон [9].

Н. Кристи останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. А отсюда казалось бы парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*Crime does not exist*) [10: 1].

Каковы же основные положения конструктивистских представлений о преступлении, преступности и криминологии? [11: 11-18].

Во-первых, «преступление не онтологическая реальность».

Во-вторых, «криминология увековечивает миф о преступности».

В-третьих, «"преступность" включает много мелких проступков». «Преступление» - это всегда очень серьезное деяние, причиняющее значительный вред. Между тем уголовный закон включает множество незначительных проступков.

В-четвертых, «"преступность" исключает многие серьезные деяния, причиняющие тяжелый вред». В качестве примера приводятся корпоративные преступления, домашнее насилие, преступления полиции и т.п., которые оказываются вне уголовной ответственности.

В-пятых, «сконструированность "преступлений"». Отсутствие четких (онтологических!) критериев того, что же по своему содержанию является

«преступлением», приводит к тому, что оно оказывается всего-навсего «конструктом», более или менее искусственным.

В-шестых, «криминализация и наказание причиняют боль». Это известное положение Н. Кристи о том, что уголовное правосудие есть процесс причинения боли, и пользоваться этим можно в крайних случаях.

В-седьмых, «"контроль над преступностью" не эффективен».

В-восьмых, «легитимизация "преступности" ведет к экспансии контроля над преступностью». Смысл этого тезиса в том, что все большая *криминализация* различных деяний и нагнетаемый популистскими политиками и СМИ «страх перед преступностью» приводят ко все большей *репрессивности* полиции и уголовной юстиции, расширению их деятельности, нередко за счет ограничения прав человека, к росту тюремного населения, к «призонизации» поведения и сознания масс населения.

Наконец, в-девятых, «"преступность" служит поддержанию (сохранению) властных отношений». Это увековечивает такие структурные детерминанты нежелательного поведения, как бедность, социальная депривация (неравенство доступа к социальным благам; психологический дискомфорт, вызванный пониманием этого), огромное неравенство между богатыми и бедными. Растет заинтересованность «индустрии контроля над преступностью» в криминализации деяний. Политики используют «преступность» в целях мобилизации электората. В целом «преступность» способствует сохранению властных отношений.

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в Оксфордском пособии (руководстве) по криминологии [12].

Можно выделить несколько *этапов* в процессе конструирования девиантных проявлений: наличие множества однородных фактов; осознание их как проблемы («проблематизация»); легитимация проблемы (включая

криминализацию); социальная реакция на феномен-проблему (социальный контроль); последствия (результаты).

Как происходит конструирование одной из современных разновидностей преступности - «преступлений ненависти» («*Hate crimes*»), т.е. преступных посягательств против «ненавистных» меньшинств, говорится в книге американских криминологов [13]. В этом конструировании принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Роль политического режима в конструировании преступности и иных социальных девиаций показана мною в одной из работ [14: 39-65]. А участие СМИ в конструировании преступности и иных девиантных проявлений рассмотрена в монографии И.Г. Ясавеева [15]. Процесс конструирования «коррупции» показан в диссертационном исследовании И. Кузнецова [16].

Важно видеть и понимать *последствия* конструирования *нечто* как негативной девиации и – соответственно – социальной проблемы. Помимо названных выше [11], следует назвать конкуренцию между социальными проблемами (наркотизм – пьянство; «беловоротничковая преступность» - «организованная преступность»). Это нашло отражение в концепции «публичных арен» Хилгартнера, Боска (1988): конкуренция между различными определениями реальности обусловлена конфликтом стилей жизни (Бергер, Лукман), сфер компетенции (Фуко, Бурдьё). Ибо различные определения реальности представляют практическую опасность для институционального порядка, который легитимизирован при помощи определенной системы представлений о «правильном» социальном устройстве.

С моей точки зрения, *вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей*. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной. Для меня это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально

допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны – есть результат социальной *конструкции*, договоренности законодателей *«здесь и сейчас»* (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Голландии, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба под страхом смерти и т.д.).

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще, преступности в частности, совершенно произвольно [17: 292-306]. Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Реальностью является то, что некоторые виды жизнедеятельности причиняют определенный *вред*, наносят *ущерб*, а потому *негативно* воспринимаются и *оцениваются* другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных деяний *не* причиняют вреда другим, а потому криминализированы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта [18].

Постмодернизм в криминологии рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть.*

Ясно, что правовые (в том числе – уголовно-правовые) нормы и их реализация (что не всегда одно и то же) непосредственно зависят от *политического режима.*

Итак, сторонники понимания девиантности как «реагирующей конструкции» исходят из того, что общество и государство, считая необходимым *реагировать* на те или иные социально значимые поведенческие формы, *конструируют* очередного «козла отпущения» — «мафия», «наркотизм», «гомосексуализм», «коррупция», «терроризм» и т. п.

Конечно, за этими «этикетками» скрываются некие формы человеческой жизнедеятельности и их носители. Но общественная или государственная *оценка* этих проявлений девиантности, отнесение определенных форм деятельности к *девиантным* — результат сознательной работы властных, идеологических институтов, формирующих общественное сознание.

Библиографический список

1. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. - NY: Doubleday, 1966.
2. Spector M., Kitsuse J. Constructing Social Problems. - Menlo Park, 1977.
3. Curra J. The Relativity of Deviance. - SAGE Publications, Inc., 2000; Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: the Social construction of Deviance. - Blackwell Publishers, 1994; Petrovec D. Violence in the Media. - Ljubljana: Mirovni Inštitut, 2003; Pfuhl E., Henry S. The Deviance Process. Third Edition. - NY: Aldine de Gruyter, 1993; Caffrey S., Mundy G. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance: Selected Issues. - Greenwich University Press, 1995.
4. Кампанелла. Город Солнца. - М.-Л.: АН СССР, 1947.
5. Спиноза Б. Избранные произведения. - М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1.
6. Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. - New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) Ibid; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime. - SAGE, 1996.
7. Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.
8. Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. N10. - P.63-80.
9. Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. - NJ.: Pearson Prentice Hall, 2004.
10. Christie N. A Suitable Amount of Crime. - L.-NY: Routledge, 2004.
11. Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D. Beyond Criminology: Taking Harm Seriously. - Pluto Press, Fernwood Publishing, 2004.
12. Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. - Oxford University Press, 2007.
13. Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. - Oxford University Press, 1998.
14. Гилинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. - С.39-65.
15. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. - Казань, 2004.
16. Кузнецов И. Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование. Дис. ... канд. соц. наук. - СПб., 2000.
17. Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории. В: Теория общества: Фундаментальные проблемы. - М.: Канон-Пресс-Ц.1999.
18. Schur E. Crimes Without Victims. - Englewood Cliffs, 1965.

